

Иван Тургенев

Человек в серых очках

Иван Сергеевич Тургенев
Человек в серых очках
Серия «Литературные и
житейские воспоминания»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3007265

Аннотация

«...Однажды – дело было в первых числах февраля 1848 года – я сидел за одним из столиков, расположенных вокруг кофейной Ротонды (de La Rotonde) под навесом. Человек высокого роста, черноволосый с проседью, жилистый и сухощавый, в заржавленных железных очках со стеклышками серо-дымчатого цвета на орлином носу, вышел из кофейной, оглянулся и, вероятно, убедившись, что все места под навесом были заняты, подошел ко мне и попросил позволения подсесть к моему столику. Я, разумеется, согласился...»

Иван Сергеевич Тургенев

Человек в серых очках

(Из воспоминаний 1848 года)

Всю зиму с 1847 на 1848 год я прожил в Париже. Квартира моя находилась недалеко от Пале-Рояля, и я почти каждый день ходил туда пить кофе и читать газеты. Тогда еще Пале-Рояль не был таким почти заброшенным местом, каким он стал теперь, хотя дни его славы уже давно миновали, той громкой и особенной славы, которая, бывало, вела за уста нашим ветеранам 1814 и 1815 годов, при первом свидании с человеком, возвратившимся из Парижа, неизменный вопрос: «А что поделявает батюшка Пале-Рояль?» Однажды – дело было в первых числах февраля 1848 года – я сидел за одним из столиков, расположенных вокруг кофейной Ротонды (de La Rotonde) под навесом. Человек высокого роста, черноволосый с проседью, жилистый и сухощавый, в заржавленных железных очках со стеклышками серо-дымчатого цвета на орлином носу, вышел из кофейной, оглянулся и, вероятно, убедившись, что все места под навесом были заняты, подошел ко мне и попросил позволения подсесть к моему столику. Я, разумеется, согласился. Человек в серых очках не сел, а обрушился на стул, сдвинул на затылок свой ветхий цилиндр и, опершись костлявыми руками на сукова-

тую палку, потребовал чашку кофе, а от поданной ему газеты отказался с пренебрежительным пожатием плеча. Мы обменялись немногими незначительными словами: помнится, он раза два воскликнул про себя: «Какое проклятое... проклятое время!» – торопливо выпил чашку и вскоре ушел; но впечатление, оставленное им, не тотчас во мне изгладилось. То был, несомненно, француз из южной Франции – провансалец или гасконец; его загорелое морщинистое лицо, ввалившиеся щеки, беззубый рот, глухой и как бы каркающий голос, самая одежда, истасканная, запачканная, словно не на него сшитая, – все говорило о беспокойной, страннической жизни. «Бывалый, ломаный, битый человек, – думалось мне, – он не только теперь в «подмазке»; он, вероятно, всю жизнь провел в тесноте да в подчинении; откуда ж это – не то невольное, не то сознательное чувство превосходства в выражении лица, в каждом движении, в самой походке, шмыгающей, небрежной? Бедняки – смиренные – так не ходят». Особенно поразили меня его глаза, темно-карие с желтоватыми белками; он их то раскрывал во всю ширину и устремлял прямо перед собою неподвижный и тупой взор, то странно ежил их, приподнимая взъерошенные брови и взглядывая боком через края очков... злая насмешливость загоралась тогда в каждой его черте. Впрочем, я недолго размышлял о нем в тот день: ожидание предстоявших банкетов в пользу реформы волновало весь Париж – и я принялся читать газеты.

На следующий день я опять отправился пить кофе в Пале-Рояль и опять встретился с вчерашним господином. Он первый поклонился мне, как знакомому. Слегка усмехнувшись и уже не испросив позволения – точно он знал, что свидание с ним должно мне быть приятным, – он поместился за моим столиком, хотя ни один из других столиков занят не был, и немедленно вступил в разговор, нисколько не чинясь и не стесняясь.

Прошло несколько мгновений...

– Ведь вы иностранец? Русский? – внезапно спросил он, медленно пошевеливая ложкой в чашке кофе.

– Что я иностранец – вы могли догадаться по моему выговору; но почему вы признали меня за русского?

– Почему? Вы сейчас сказали «pardon» – вот этак, с растяжкой: «ра-ardon». Одни русские так растягивают слова. Впрочем, я и без того знал, что вы русский.

Я хотел было попросить объяснения... Но он заговорил опять:

– Вы очень хорошо сделали, что приехали сюда именно теперь. Время любопытное для туриста. Вы увидите... большие дела («de grandes choses»).

– Что я увижу?

– А вот что. Теперь начало февраля... Месяца не пройдет – и Франция будет республикой.

– Республикой?

– Да. Но погодите радоваться... если только это вас раду-

ет. К концу года Бонапарты будут обладать (он употребил гораздо более сильное выражение) той же самой Францией.

Когда он упомянул о близости республики, я, конечно, ему ни на волос не поверил и только подумал: «Вот человек удивить меня хочет: благо я, в его глазах, неопытный скиф»... Но Бонапарты! с какой стати Бонапарты?! В то-гдашнюю пору, при Лудовике-Филиппе, никто не думал о Бонапартах; во всяком случае, никто не говорил о них. Уж не наткнулся ли я на мистификатора? Или на одного из тех проходимцев, которые шатаются по кофейным и гостиницам, вынюхивая иностранцев, и кончают обыкновенно тем, что деньги взаймы просят? Однако нет: не такая у него повадка... Притом эта бесцеремонная развязность обращения, этот равнодушный тон, с которым он произнес свои парадоксы...

– Вы, стало быть, полагаете, что король не согласится ни на какую реформу? – спросил я после небольшого молчания. – Требования оппозиции, кажется, не велики...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.